

Никифоров В.В., Суворова Е.И., Истомина Н.П.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ЗАДАЧИ В СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА СТРАХОВЩИКОВ К ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Nikiforov V.V., Suvorova E.I., Istomin N.P.

INTER-BRANCH TASKS IN THE CONTENT OF THE CONCEPT LEGAL REGULATION OF ENSURING ACCESS INSURERS TO GENETIC INFORMATION INDIVIDUALS IN THE RUSSIAN FEDERATION²

В содержании настоящей статьи авторами предпринята попытка дать ответ на вопрос о том, каким образом, исходя из специфики генетической информации граждан, должны быть регламентированы права и обязанности страхователя и страховщика, связанные с оценкой страхуемого риска и последующей реализацией прав и обязанностей, вытекающих из договора личного страхования. Установлено, что предлагаемая Концепцией развития положений ч. 2 ГК РФ о договоре страхования стратегия модернизации законодательства об информационных обязанностях участников страховых правоотношений позволяет лишь частично защитить страхователя от проблем, связанных с раскрытием генетической информации и неблагоприятными последствиями отказа от такового, при непроработанности генетического законодательства в части правовых режимов результатов различных видов генетических тестов. Аргументировано, что в страховых правоотношениях целесообразным представляется применение дифференцированного подхода к использованию результатов диагностических и прогностических генетических исследований, в рамках которого доступность результатов первых при получении информированного согласия застрахованного лица не должна требовать отдельного санкционирования, а вторых – допускаться только для определенных Минздравом РФ и ЦБ РФ генетических условий, видов страхования и лимитов страховых сумм при строгом контроле со стороны финансового регулятора. Обосновывается необходимость внесения в п. 2 ст. 945 ГК РФ изменений, предусматривающих возможность включения генетических тестов в содержание проводимого по направлению страховщика медицинского обследования при условии, что такие тесты отвечают критерию диагностического исследования, обследование проводится за счет страховщика и не является условием доступа к услугам страхования. Предложен механизм, позволяющий дополнительно урегулировать в ст. 959 ГК РФ ситуацию, когда раскрытие результатов ранее проведенного генетического теста осуществляется на основании добровольного волеизъявления физического лица для опровержения данных, содержащихся в его медицинском (семейном) анамнезе, с целью заключения договора страхования на более выгодных условиях.

Ключевые слова: генетическая информация, страховщик, страхователь, застрахованное лицо, диагностические генетические тесты, прогно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-29-14056

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-14056

стические генетические тесты, концепция правового регулирования, межотраслевые задачи.

In the content of this article, the authors attempted to answer the question of how, based on the specifics of the genetic information of citizens, the rights and obligations of the insured and the insurer related to the assessment of the insured risk and the subsequent implementation of the rights and obligations arising from personal insurance contracts. It has been established that the strategy for modernizing legislation on the information obligations of participants in insurance legal relations, proposed by the Concept for the Development of the Provisions of Part 2 of the Civil Code of the Russian Federation on an insurance contract, allows only partially protecting the insured from problems associated with the disclosure of genetic information and the adverse consequences of refusing to do so, if genetic legislation is not developed in terms of legal modes of results of various types of genetic tests. It is argued that in insurance legal relations it seems appropriate to use a differentiated approach to the use of the results of diagnostic and prognostic genetic research, in which the availability of the results of the first upon obtaining the informed consent of the insured person should not require separate authorization, and the second should be allowed only for those determined by the Ministry of Health of the Russian Federation and the Central Bank of the Russian Federation genetic conditions, types of insurance and limits of sums insured under strict control by the financial regulator. The necessity of introducing into paragraph 2 of Art. 945 of the Civil Code of the Russian Federation of amendments providing for the possibility of including genetic tests in the content of a medical examination conducted by the insurer, provided that such tests meet the criteria for a diagnostic research, the examination is carried out at the expense of the insurer and is not a condition for access to insurance services. A mechanism has been proposed that allows additional regulation in Art. 959 of the Civil Code of the Russian Federation, a situation where the disclosure of the results of a previously conducted genetic test is carried out on the basis of the voluntary will of an individual to refute the data contained in his medical (family) anamnesis, in order to conclude an insurance contract on more favorable terms.

Keywords: genetic information, insurer, policyholder, insured person, diagnostic genetic tests, predictive genetic tests, concept of legal regulation, cross-industry tasks.

В отечественных и зарубежных источниках в течение длительного времени не утихает дискуссия вокруг вопроса о возможности предоставления страховым организациям доступа к генетической информации физических лиц, в особенности, для оценки страховых рисков в добровольном личном страховании. Ключевые позиции в данном споре предполагают обоснование введения прямых законодательных запретов (мораториев) на такое использование либо предоставления страховой отрасли возможности самостоятельно решать вопрос о критериях и приемлемости реализации результатов генетических исследований для целей страхования, прибегая при этом к возможностям саморегулирования¹. Суще-

¹ Michalowska K., Magon K. Patients' genetic data protection in Polish law and EU law – selected issues // *Medicine, Law & Society*. – 2018. – Vol. 11. – P. 43; Болтанова Е.С., Имекова М.П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // *Lex russica*. – 2019. – № 6. – С. 116.

ствует также и принципиально иное мнение, исходя из которого обозначенная проблема лишена реального содержания и значения, поскольку страховые организации не стремятся к овладению генетическими данными физических лиц, имея в своем распоряжении иные, более эффективные, инструменты оценки страхового риска. Генетическая же информация, в свою очередь, не способна оказывать существенного влияния на принятие решения о заключении договора страхования и специфику вытекающих из него прав и обязанностей².

Следует отметить, что существующее отраслевое (гражданское) законодательство, регламентирующее порядок заключения, изменения, прекращения и исполнения договора страхования, в действи-

² Khoury L., Blackett A., Vanhonnaeker L. Genetic Testing and the Governance of Risk in the Contemporary Economy. – Dordrecht: Springer, 2020. – P. 223.

тельности, уже содержит в себе минимум правовых норм, позволяющий реализовать генетическую информацию физических лиц в процессе принятия соответствующих рисков на страхование и в дальнейшем, в ходе исполнения сторонами принятых на себя обязательств. Статья 959 ГК РФ не исключает генетическую информацию из общего объема сведений, имеющих существенное значение для оценки риска и обязательных к предоставлению страховщику под угрозой признания действующего договора страхования недействительным. Кроме того, результаты диагностических генетических тестов в добровольном личном страховании относимы к данным о фактическом состоянии здоровья страхуемого лица (при условии, если ими подтверждаются одновременно факты наличия и развития у него конкретного генетического заболевания или состояния), тогда как распространение на такие данные правового режима охраняемой законом медицинской тайны не препятствует не только их получению страховщиком, но и организации последним преддоговорного комплексного медицинского обследования.

Приведенные примеры подтверждают, что абсолютный запрет на использование генетической информации в страховании возможен только в силу прямого указания закона, которое на сегодняшний день отсутствует, и может носить лишь временный характер, будучи самым тесным образом, связанным с содержанием взаимных прав и обязанностей сторон договора добровольного личного страхования. Такая тесная связь обуславливает специфику задач, решаемых в рамках реализации комплексной концепции правового обеспечения доступа страховщиков к генетической информации физических лиц в Российской Федерации, носящих межотраслевой характер, поскольку необходимое здесь нормативное правовое регулирование включает в себя сразу две обязательные составляющие. Первая из них носит отраслевой, а вторая – межотраслевой характер: речь идет о правовом режиме генетической информации и содержании взаимных прав и обязанностей страховщика и страхователя, возникающих и реализующихся в связи с оценкой страхового риска. В настоящей статье постараемся дать ответ на вопрос о том, каким образом, исходя из специфики генетической информации граждан, должны быть регламентированы права и обязанности страхователя и страховщика, связанные с оценкой страхуемого риска и последующей реализацией прав и обя-

занностей, вытекающих из договора страхования.

Предваряя оценку значимого зарубежного опыта в данной части, обратим внимание на то, что в российской судебной практике предпринята попытка определить формальные условия признания факта нарушения страхователем информационной обязанности, несоблюдение которых препятствует заявлению страховщиком требования о применении последствий, предусмотренных п. 2 ст. 179 ГК РФ, а значит, гарантирует сохранение права на страховую выплату. В частности, умолчание известных страхователю (застрахованному лицу) существенных данных о страхуемом риске не признается такого рода нарушением, если обязанность предоставления конкретной информации не была оговорена страховщиком в стандартной форме договора страхования или в его письменном запросе³. В то время как в России такой подход обоснован лишь судебной практикой, большинство европейских правовых порядков давно следует этой модели, ограничивая преддоговорную информационную обязанность страхователя дачей ответов на запрос страховщика. «Система вопросов» здесь практически повсеместно заменяет собой систему добровольного раскрытия информации, критикуемую по причине наличия множества оценочных критериев («добросовестность», «существенные обстоятельства», «все известные обстоятельства» и пр.)⁴. Примером исключения может служить, пожалуй, лишь Великобритания, где обязанность «добросовестного раскрытия сведений о риске» («duty of fair presentation of the risk» – англ.) не ограничивается ответами на вопросы страховщика, но предполагает получение последним «достаточных сведений» о таковом и отсутствие фактора злонамеренного утаивания страхователем каких-либо существенных обстоятельств⁵.

Характер непредставленной информации вкупе с формой вины страхователя (застрахованного лица) влияют на определение правовых последствий наруше-

³ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28 ноября 2003 г. № 75 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования» // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. 2004. № 1.

⁴ Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Trust and Insurance Contracts // The Review of Financial Studies. – 2021. – URL: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhab112> (дата обращения: 01.11.2021).

⁵ Insurance Act (2015) // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/4/contents/enacted> (дата обращения: 01.11.2021).

ния, каковыми, в отличие от российского законодательства, не всегда может быть отказ в заключении договора страхования или признание уже заключенного договора недействительным. Так, к примеру, законодатель в Германии различает случаи умышленного нарушения страхователем (застрахованным лицом) информационной обязанности и случаи обмана, к которым применяются общие положения гражданского законодательства о сделках, заключенных посредством злоупотребления доверием (мошенничестве). Примечательно, что даже при наличии умысла в действиях страхователя последствия в виде отказа от договора (отказа от выплаты страхового возмещения, если страховой случай уже наступил) наступают только при условии, если нераскрытое обстоятельство о риске имело (могло бы иметь) отношение к наступлению страхового случая или объему обязательств, принимаемых на себя страховщиком. В случае мошенничества установление причинной связи между нераскрытой информацией и наступлением страхового случая не требуется, однако сделка приобретает оспоримый характер. Непредставление существенной информации о риске вследствие неосторожности (в том числе, грубой) страхователя (застрахованного лица) также влечет за собой различные правовые последствия в зависимости от специфики искомой информации: если при ее получении договор страхования был бы заключен, но на иных условиях, страховщик осуществляет адаптацию договора под новые условия (с ретроактивным эффектом), причем закон ограничивает возможность реализации этого правомочия сроком, не превышающим одного месяца со дня выявления правонарушения. Наконец, при невинном нарушении информационных обязанностей страхователем (застрахованным лицом) договор может быть изменен или расторгнут лишь на будущее время, с обязательством предварительного уведомления страхователя (застрахованного лица) не менее чем за месяц (ст. 19, 21, 22 Закона о договорестрахования)⁶. В Великобритании любое невинное нарушение обязанности по информированию страховщика об обстоятельствах, имеющих существенное значение для оценки страхового риска, не влечет за собой ограничения или отказа в предоставлении страховой защиты, а при неосто-

⁶ *Versicherungs vertrags gesetz (VersVG)* // URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnumm er=10001979> (дата обращения: 01.11.2021).

рожном нарушении правомочия страховщика также определяются значением неполученной информации: если договор не был бы заключен, правоотношения прекращаются с применением двусторонней реституции, в иных случаях доступно лишь изменение его условий с ретроактивным эффектом, включая предложение страхователю (застрахованному лицу) повышенной страховой премии.

Отметим критерии существенности сведений, предоставляемых страховщику при заключении договора страхования, выработанные в рассматриваемых правовых порядках. Первый такой критерий носит формальный характер и состоит в наличии запроса на получение соответствующей информации в письменном виде, что, с позиции судебной практики, предполагает установление опровержимой презумпции значимости таковой для оценки страхового риска. Второй критерий относится к содержанию запрашиваемых данных, которые должны иметь способность оказывать влияние на принятие страховщиком решения о заключении договора страхования на определенных условиях (страховая сумма, страховые случаи, размер страховой премии, период действия договора и др.). При разрешении споров между страховщиками и застрахованными лицами (страхователями) этот критерий оценивается путем анализа и сопоставления запрашиваемых (неполученных) сведений с данными, реализованными при страховании аналогичных рисков (в рамках однородных страховых продуктов), а также с помощью определения степени существенности расхождений в оценке страховых рисков с учетом и без учета такой информации. Во всяком случае соблюдение данных критериев признается обязательным при применении страховщиком правовых средств защиты своих интересов, которые различаются не только в зависимости от степени вины страхователя (застрахованного лица), но и от качественной характеристики неполученной информации.

В программных документах, посвященных развитию законодательства о договоре страхования в Российской Федерации⁷, предлагается внести изменения в

⁷ Концепция развития положений части второй Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре страхования (одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25 сентября 2020 г. № 202/оп-1/2020) // URL: <https://demo.garant.ru/#/document/400193004/paragraph/1/doclist/704/showentries/0/highlight/концепция%20развития%20законодательства%20о%20договоре%20страхования:4> (дата обращения: 01.11.2021).

п. 1 ст. 944 ГК РФ, обозначив в нем, что обязанность страхователя по сообщению сведений, необходимых для заключения договора страхования, ограничивается только теми, полными и достоверными, данными, которые касаются существенных обстоятельств, принимаемых во внимание при оценке страхового риска, и запрошены страховщиком в письменном виде (в действующей редакции данной нормы речь идет о том, что запрошенные сведения «во всяком случае» относятся к ряду существенных обстоятельств). Полагаем, что такой подход отчасти решает проблему защиты генетической информации физических лиц в страховании, поскольку существенно ограничивает общий объем предоставляемых сведений, переносит проблему оценки значимости генетических данных для целей страхования на профессионального участника данной деятельности (страховую организацию) через презумпцию добросовестности страхователя (застрахованного лица), наконец, сохраняет за последним некоторую свободу усмотрения в вопросе о будущем участии в генетических исследованиях или сообщении результатов уже проведенных генетических тестов.

В то же время, их применение, на наш взгляд, должно сопровождаться распространением на рассматриваемые правоотношения критериев существенности информации, запрашиваемой для целей страхования, поскольку при ином подходе невозможно отсечь от общего объема истребуемых сведений результаты тестов, имеющих неопределенный прогностический потенциал, данные, не характеризующие физиологические особенности (состояние здоровья) заявителя и (или) не относящиеся к вероятности наступления страхового события. Здесь, однако, мы сталкиваемся с другой проблемой, а именно, непрозрачностью системы оценки актуарной значимости результатов генетической информации в страховании⁸, актуальной и для тех случаев, когда изменение заключенного договора страхования связано с переоценкой принятого на страхование риска (в том числе, если в период действия такого договора застрахованным лицом по собственной инициативе проведены те или иные генетические тесты или получены результаты ранее проведенных исследований).

⁸ GolruS. Regulating the Use of Genetic Information in the Life Insurance Industry // The University of New South Wales law journal. – 2020. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3743801 (дата обращения: 01.11.2021).

Вновь обращаясь к зарубежному опыту, отметим, что в европейских правовых системах обязанность информировать страховщика об изменяющихся обстоятельствах, по общему правилу, касается только факторов, в значительной степени увеличивающих вероятность наступления страхового случая. При этом, в частности, в Германии от страхователя (застрахованного лица) также требуется принятие мер, препятствующих увеличению страхового риска в течение всего периода действия договора страхования. Вместе с тем, при неисполнении страхователем соответствующей информационной обязанности последствия допущенного нарушения зависят от степени его вины и качественной характеристики непредставленных сведений. При подтвержденном страховщиком «значительном увеличении риска» договор может быть расторгнут с предварительным уведомлением не позднее, чем за месяц, либо изменен (увеличена страховая премия или соответствующий риск исключен из страхового покрытия). Обязанность по выплате страхового возмещения прекращается по истечении месяца с того момента, когда страхователь (застрахованное лицо) должен был сообщить об изменившихся обстоятельствах. В иных случаях, как следует отдельно подчеркнуть, полный или частичный отказ в страховой выплате требует подтверждения наличия умысла или грубой неосторожности в поведении страхователя (застрахованного лица), а также доказательства причинной связи между увеличением вероятности наступления страхового случая и размером убытков (ст. 26 Закона о договоре страхования). И если в отношении вины закон устанавливает опровержимую презумпцию, то причинная связь подлежит доказыванию заинтересованным лицом – страховой организацией.

Подобное регулирование, как видится, частично защищает страхователя (застрахованное лицо) от проблем, связанных с раскрытием генетической информации и неблагоприятных последствий отказа от такового (в отсутствие специальных указаний о правовом режиме результатов генетических тестов). Наступление последних требует предоставления страховщиком актуарного обоснования принимаемого решения о расторжении или изменении договора, что, очевидно, представляется весьма затруднительным для данных генетических исследований с неопределенным прогностическим потенциалом. Здесь необходимо отметить, что в отечественном страховом

праве применительно к договорам личного страхования изменение условий договора в случае существенного увеличения страхового риска (включая доплату страховой премии), а равно расторжение такого договора при несоблюдении страхователем (застрахованным лицом) соответствующей информационной обязанности допускаются только в том случае, если такие последствия были специально оговорены соглашением сторон (п. 5 ст. 959 ГК РФ). Тем не менее, представляется необходимой конкретизация правовых условий, предоставляющих страховщику возможность воспользоваться этими положениями, а равно следует поддержать мнение о необходимости дифференциации неблагоприятных последствий несоблюдения об изменившихся обстоятельствах в зависимости от степени вины страхователя (застрахованного лица) и того, была ли конкретная информация ранее запрошена страховщиком.

Еще один блок гражданско-правовых норм, относящихся к договору страхования, значимый в контексте возможного использования генетических данных физических лиц в данного рода правоотношениях, связан с определением понятия страховой тайны и сопутствующим нормативным правовым регулированием. Как известно, ст. 946 ГК РФ устанавливает общий запрет на разглашение страховщиком сведений, ставших известными ему в процессе осуществления профессиональной деятельности, относя к ним сведения о субъектах страхования, состоянии их здоровья и имущественном положении. Наиболее актуальный вопрос, возникающий при допущении использования результатов генетических исследований физических лиц в процессе заключения, изменения, исполнения и прекращения договоров страхования, связан с тем, создают ли данные нормы достаточные гарантии защиты конфиденциальности такого рода информации и должно ли их использование сопровождаться дополнительной конкретизацией порядка истребования, хранения и реализации генетических данных (их отдельных форм или видов), формулируемых с помощью отсылок к специальному (генетическому) законодательству.

Обратим внимание на то, что в страховом праве выдвигаются различные позиции по вопросу о содержании и значении страховой тайны. В частности, существует мнение, согласно которому в данную категорию должны быть включены любые данные, которые становятся доступными страховщику в рамках возникающих пра-

воотношений, не ограничиваясь сведениями, перечисленными в ст. 946 ГК РФ⁹. Более распространена, однако, противоположная точка зрения о том, что понятие страховой тайны должно быть исключено из ГК РФ, поскольку любая информация о физических лицах, участвующих в страховых правоотношениях, подпадает под один из специальных режимов ее использования, устанавливаемых законодательством о персональных данных, охране здоровья населения, защите прав на результаты интеллектуальной деятельности и т.п.¹⁰ Здесь также отмечается, что стороны договора вправе согласовать дополнительные требования о конфиденциальности в отношении любой категории данных, предоставленных при заключении договора страхования, в то время как в мировой практике (на примерах отдельных стран, включая Великобританию, Германию, США, Францию и др.) родовое понятие страховой тайны не используется в принципе.

Проблема распространения специальных правовых режимов охраняемой законом тайны на сведения, используемые в процессе осуществления страхования, часто дискутируется с уклоном на интересы страховщика, испытывающего определенные трудности при запросе информации о страхователе (застрахованном лице) в рамках договоров личного страхования и страхования ответственности (с покрытием рисков причинения вреда жизни и здоровью). Обосновывается, что в связи с необходимостью получения сведений о состоянии здоровья такого лица для установления обстоятельств страхового случая и определения размера страховой выплаты в ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹¹ требуется отдельно регламентировать право страховщика, заключившего договор личного страхования или страхования ответственности за причинении вреда жизни и здоровью, при наличии согласия субъекта данных, испрашивать такие сведения не-

⁹ Овчинникова Ю.С. Тайна страхования: правовая природа и проблемы регулирования // Страховое право. – 2016. – № 1 (70). – С. 22.

¹⁰ Тюрина Т.В., Жукова Д.А. К вопросу об организации доступа страховым организациям к сведениям, составляющим врачебную тайну // Медицинское право: теория и практика. – 2017. – № 1 (5). – С. 88; Крюков С.Р. Виды тайн по законодательству Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 2. – С. 48.

¹¹ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5140.

посредственно в медицинской организации. По тем же причинам ставится вопрос и о дополнении ст. ст. 43-44 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»¹², ст. ст. 31-32 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»¹³. Как известно, специальные разновидности обязательного страхования жизни и здоровья, вводимые данными законами, реализуются без непосредственного участия застрахованных лиц в заключении договора страхования (например, пациентов, привлекаемых к клиническим исследованиям лекарственного препарата), а значит, предоставление страховщику права доступа к сведениям, составляющим медицинскую тайну, требует восполнения правового пробела, касающегося порядка дачи ими соответствующего согласия.

В то время как отказ от концепции страховой тайны в российских условиях видится большинству авторов нецелесообразным, предлагаемое регулирование создает множество дополнительных вопросов касательно распоряжения генетической информации застрахованных. При наличии у страховой организации права запрашивать непосредственно в медицинских организациях данные, относимые к категории охраняемой специальной законом медицинской тайны, в дополнительной правовой регламентации нуждается режим распоряжения результатами диагностических генетических исследований, поскольку ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» не учитывает таких исключительных свойств генетических данных, как возможность их использования для проведения дополнительных исследований в отношении ранее не заявленных генетических маркеров, значимость для целей реализации прав и законных интересов третьих лиц (близких родственников), риски злоупотреблений при наличии доступа к ним работодателей, кредитных организации и пр.

В целом можно констатировать, что некоторая конкретизация содержания опосредуемых договором страхования прав и обязанностей его сторон (включая ограничение перечня обстоятельств, признающих существенными при заключении и изменении договора страхования, дифференциацию правовых последствий

¹² СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815; 2021. № 24 (часть I). Ст. 4188.

¹³ СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3849; 2021. № 24 (Часть I). Ст. 4188.

несообщения страховщику об изменяющихся обстоятельствах в зависимости от степени вины страхователя и актуарного обоснования значимости неполученных сведений и пр.), при всей ее важности, лишь частично защищает страхователя от проблем, связанных с раскрытием генетической информацией и неблагоприятными последствиями отказа от такового в отсутствие специальных указаний о правовом режиме результатов генетических тестов. На необходимость урегулировать таковой дополнительно в пределах как страхового, так и специального генетического законодательства обращают внимание также возможности, предоставляемые в связи с использованием генетических данных физических лиц в обязательном медицинском и социальном страховании. Использование таковых здесь не влияет на определение размера страхового тарифа, но создает предпосылки для раннего выявления некоторых тяжелых заболеваний и разработки персонализированной стратегии лечения.

Наконец, в отечественном страховом и генетическом законодательстве не находит своего разрешения еще одна частная ситуация, когда на раскрытии результатов ранее проведенного генетического теста (диагностического или прогностического, в данном контексте этот вопрос не имеет принципиального значения) настаивает сам потенциальный или действительный страхователь, в частности, в случае, если при отягченном семейном анамнезе или наличии симптомов тяжелого заболевания или состояния, в отношении которого осуществляется страхование, такие данные могут опровергнуть высокую вероятность наступления страхового случая. Поскольку получение результатов соответствующего генетического теста страховщиком ставит потенциального страхователя в положение лучшее по сравнению с тем, в котором он мог бы находиться при условии оценки страховщиком принимаемого риска исключительно на основании медицинской документации общего характера, в данном случае нельзя говорить о проявлении необоснованной дискриминации. Однако сохраняются риски нарушения конфиденциальности полученных сведений, что требует введения строгих ограничений относительно объема обрабатываемой страховщиком информации, цели ее использования (только при андеррайтинге страховых рисков, имеющих отношение к диагностируемому заболеванию или состоянию в отношении страхователя, исключая иных лиц, в том числе родствен-

ников), абсолютного запрета на передачу генетических данных в любом виде и форме и по любому основанию третьим лицам.

Таким образом, межотраслевой характер задач, решаемых в рамках реализации концепции правового регулирования доступа страховых организаций к генетическим данным физических лиц в Российской Федерации, определяет потребность в существенной модернизации как генетического, так и страхового законодательства. Первый этап такой модернизации целесообразно связывать с временным запретом на использование любой генетической информации в страховании – изменения соответствующего характера должны быть внесены в ст. 944 ГК РФ (касательно сведений, предоставляемых страхователем при заключении договора страхования), ст. 959 ГК РФ (в части правовой регламентации действий страхователя при увеличении страхового риска непосредственной в период действия договора страхования), ст. 6 Закона от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»¹⁴ (относительно регламентации правомочий страховщика, связанных с запросом сведений, необходимых для осуществления страхования). В содержании ст. ст. 944 и 959 ГК РФ перечень оснований, признаваемых существенными при заключении и изменении договора страхования, должен быть строго ограничен сведениями, затребованными у страхователя на основании письменного запроса страховой организации. За период действия запрета Минздравом РФ и Центральным банком РФ (во взаимодействии с профессиональными сообществами специалистов по медицинской генетике и страховому делу) должны быть выработаны и утверждены перечни генетических условий, в отношении которых будет разрешен допуск страховщиков к генетической информации в добровольном личном страховании, конкретные разновидности такого страхования и лимиты страховых сумм, соответствующие этим условиям. Наконец, третий, наиболее значимый этап реализации обосновываемой концепции следует связывать с внедрением в страховое и генетическое законодательство обособленного правового режима генетических данных физических лиц, реализуемых в страховании, с обязательной дифференциацией такового в зависимости от диагностического или прогностического значения результа-

тов проведенных исследований.

Полагая, что определение правового режима генетической информации в целом и применительно к отдельным ее разновидностям явно выходит за пределы предмета страхового права, считаем обоснованной разработку специального федерального закона «Об исследованиях генома человека и генетической информации», в содержании которого следует регламентировать объем защищаемой генетической информации физических лиц, основные права и обязанности субъектов правоотношений по оказанию медико-генетических услуг, общие требования к получению, обработке, хранению и использованию соответствующих данных, а также отправные начала их реализации специальными субъектами (страховыми организациями, работодателями, кредитными организациями, государственными внебюджетными фондами и др.) с отсылкой к конкретизации возникающих при этом прав и обязанностей в отраслевом законодательстве. В страховых правоотношениях целесообразным представляется применение дифференцированного правового режима диагностических и прогностических тестов, при котором доступность результатов первых при получении информированного согласия застрахованного лица не должна требовать отдельного санкционирования, а вторых – допускаться только для определенных Минздравом РФ и ЦБ РФ генетических условий, видов страхования и лимитов страховых сумм при строгом контроле со стороны финансового регулятора. В отдельной статье федерального закона «Об исследованиях генома человека и генетической информации», посвященной использованию генетической информации страховыми организациями и государственными внебюджетными фондами, должны быть сформулированы правовые гарантии такого использования, включая: 1) ограничение объема сведений, предоставляемых страховщику (помимо данных, идентифицирующих личность страхуемого лица, они могут содержать в себе только ту часть генетической информации, которая имеет отношение к заболеванию или состоянию, наличие или вероятность развития которого подтверждены у страхователя; иная генетическая информация, включая сведения о статусе носительства, генетических предрасположенностях и (или) иных физиологических особенностях заявителя, должна быть исключена медицинской организацией, проводившей тестирование, при указании пациентом в целях предо-

¹⁴ Российская газета. 1993. 12 янв.; СЗ РФ. 2021. № 24 (часть I). Ст. 4212.

ставления медицинской документации «для предоставления страховщику»); 2) ограничение целей использования генетической информации в страховании (только при оценке вероятности наступления страхового случая исходя из установленного или прогнозируемого заболевания или состояния); 3) введение императивного запрета на передачу сведений о результатах генетических тестов третьим лицам (передача таких сведений в исключительных случаях, например, в части информации, затрагивающей репродуктивные и иные права в области охраны здоровья близких родственников заявителя, может быть разрешена в порядке исключения только медицинским организациям, непосредственно проводившим исследование).

Параллельно с перечисленными мерами, в п. 2 ст. 945 ГК РФ следует предусмотреть возможность включения генетических тестов в содержание проводимого по направлению страховщика медицинского обследования при условии, что такие тесты отвечают критерию диагностического обследования, обследование проводится за счет страховщика и не яв-

ляется условием доступа к услугам страхования. В содержании данной статьи, таким образом, будут одновременно конкретизированы права и обязанности страхователя и страховщика применительно к преддоговорному медицинскому обследованию и прописан частный случай правомерного использования генетической информации. В ст. 959 ГК РФ дополнительно должна быть урегулирована ситуация, когда раскрытие результатов ранее проведенного генетического теста осуществляется на основании добровольного волеизъявления физического лица для опровержения данных, содержащихся в его медицинском (семейном) анамнезе, с целью заключения договора страхования на более выгодных условиях. При реализации такого волеизъявления на страхователя должны распространяться все гарантии защиты генетической информации, предусматриваемые к тому моменту федеральным законом «Об исследованиях генома человека и генетической информации», о необходимости принятия и содержании которого говорилось выше.

Литература

1. Болтанова Е.С., Имекова М.П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lexrussica. – 2019. – № 6. – С. 110 – 121.
2. Крюков С.Р. Виды тайн по законодательству Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 2. – С. 46 – 50.
3. Овчинникова Ю.С. Тайна страхования: правовая природа и проблемы регулирования // Страховое право. – 2016. – № 1 (70). – С. 19 – 23.
4. Тюрин Т.В., Жукова Д.А. К вопросу об организации доступа страховым организациям к сведениям, составляющим врачебную тайну // Медицинское право: теория и практика. – 2017. – № 1 (5). – С. 85 – 90.
5. Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Trust and Insurance Contracts // The Review of Financial Studies. – 2021. – URL: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhab112> (датаобращения: 01.11.2021).
6. GolruS.Regulating the Use of Genetic Information in the Life Insurance Industry // The University of New South Wales law journal. – 2020. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3743801 (датаобращения: 01.11.2021).
7. Khoury L., Blackett A., Vanhonnaeker L. Genetic Testing and the Governance of Risk in the Contemporary Economy. – Dordrecht: Springer, 2020. – 354 p.
8. Michalowska K., Magon K. Patients' genetic data protection in Polish law and EU law – selected issues // Medicine, Law & Society. – 2018. – Vol. 11. – Pp. 29 – 46.

References

1. Boltanova Ye.S., Imekova M.P. Geneticheskaya informatsiya v si-steme ob"yektov grazhdanskikh prav // Lexrussica. – 2019. – № 6. – S. 110 – 121.
2. Kryukov S.R. Vidy tayn po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Fede-ratsii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. – 2019. – № 2. – S. 46 – 50.
3. Ovchinnikova YU.S. Tayna strakhovaniya: pravovaya priroda i problemy regulirovaniya // Strakhovoye pravo. – 2016. – № 1 (70). – S. 19 – 23.
4. Tyurina T.V., Zhukova D.A. K voprosu ob organizatsii dostupa strakhovym organizatsiyam k svedeniyam, sostavlyayushchim vrachebnuyu taynu // Meditsinskoye pravo: teoriya i praktika. – 2017. – № 1 (5). – S. 85 – 90.
5. Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Trust and Insurance Contracts // The Review of Financial Studies. – 2021. – URL: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhab112> (датаобращения: 01.11.2021).
6. GolruS.Regulating the Use of Genetic Information in the Life Insurance Industry // The University of New South Wales law journal. – 2020. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3743801 (датаобращения: 01.11.2021).

7. Khoury L., Blackett A., Vanhonnaeker L. Genetic Testing and the Governance of Risk in the Contemporary Economy. – Dordrecht: Springer, 2020. – 354 p.
8. Michalowska K., Magon K. Patients' genetic data protection in Polish law and EU law – selected issues // Medicine, Law & Society. – 2018. – Vol. 11. – Pp. 29 – 46.

НИКИФОРОВ Владимир Владимирович, доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный врач РФ, заведующий кафедрой инфекционных болезней и эпидемиологии Академии постдипломного образования ФГБУ ФНКЦ ФМБА России. 125371, г. Москва, Волоколамское шоссе, дом 91. E-mail: v.v.nikiforov@gmail.com

СУВОРОВА Екатерина Ильинична, исполнительный директор по методологии Акционерное общество Страховая компания «Альянс». 115184, г. Москва, Озерковская набережная, дом.30. E-mail: ekaterina.suvorova@allianz.ru

ИСТОМИН Николай Петрович, доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный врач РФ профессор кафедры хирургии Академии постдипломного образования ФГБУ ФНКЦ ФМБА России. 125371, г. Москва, Волоколамское шоссе, дом 91. E-mail: nistomin46@mail.ru

NIKIFOROV Vladimir Vladimirovich, Doctor of Medical Sciences, Professor, Honored Doctor of the Russian Federation Head of the Department of Infectious Diseases and Epidemiology Academy of Postgraduate Education FGBU FSCC FMBA of Russia. 125371, Moscow, Volokolamsk highway, 91. E-mail: v.v.nikiforov@gmail.com

SUVOROVA Ekaterina Ilyinichna, Executive director for methodology Joint Stock Company Insurance Company "Alliance". 115184, Moscow, Ozerkovskaya embankment, 30. E-mail: ekaterina.suvorova@allianz.ru

ISTOMIN Nikolai Petrovich, Doctor of Medical Sciences, Professor, Honored Doctor of the Russian Federation Professor of the Department of Surgery Academy of Postgraduate Education FGBU FSCC FMBA of Russia. 125371, Moscow, Volokolamsk highway, 91. E-mail: nistomin46@mail.ru

